

УДК 94(47)

**ОТНОШЕНИЕ К СУДУ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ XVII в.
(К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)**

© 2017 г.

А.Г. Гуськов

Институт российской истории Российской академии наук, Москва

guskov-andrei@mail.ru

Поступила в редакцию 01.12.2016

Рассматривается вопрос о юридической (правовой) деятельности в допетровской России XVII в. Предлагается критическое переосмысление стереотипа о повсеместном «недоверии» населения к судебной системе, о полной правовой неграмотности «москвитов». Новые изыскания в архивах позволяют выдвинуть тезис о значительной недооценке масштаба потребности жителей той эпохи в защите своих прав и имущества в официальных судебных органах. В работе в форме небольших очерков приводятся факты, свидетельствующие не только о постоянных обращениях истцов (потерпевших) в различные судебные органы, но и о борьбе государственных органов с сутяжничеством и умышленным мошенничеством в сфере юридических актов. Исследование позволяет прийти к выводу о достаточно развитом для своего времени уровне правовой активности представителей разных слоев Российского государства.

Ключевые слова: Московское государство, указы, судебная система, право, Посольский приказ, Потешный двор.

Утверждение о «скудности» юридической (правовой) деятельности в допетровской России широко распространено в научно-популярной и публицистической литературе. Устоявшееся мнение о полном «бесправии» жителей «дремучей» Москвы, об отсутствии независимого суда, о взяточничестве и мздоимстве всей приказной системы (которая и осуществляла судебную практику) почти не подвергалось сомнению до недавнего времени. Отношение же простых людей того времени к правовой практике нашло отражение в распространении сатирических сюжетов (например, в «Повести о Шемякином суде»).

В научной историографии к анализу общих принципов судопроизводства в XVII в. обращались дореволюционные историки права – М.Ф. Владимирский-Буданов [1], Ф.М. Дмитриев [2], К.Д. Кавелин [3], В.Н. Латкин [4], В.И. Сергеевич [5] и другие. В основе их работ лежали законодательные источники и немногочисленные опубликованные судебные дела [6–8], которые они использовали для характеристики законов и указов. В XX столетии крупнейшим исследователем законодательства эпохи являлся А.Г. Маньков. В двух обобщающих работах [9, 10] он рассмотрел разные стороны законодательства и права России на протяжении всего XVII в. Однако ему не удалось серьезно расширить источниковую базу исследования: в основе его трудов по-прежнему оставались опубликованные документы (в первую очередь «Полное собрание законов Рос-

сийской империи»). Аналогичная особенность наблюдается и в работах современных авторов по истории юриспруденции [11, 12].

Несмотря на огромное число работ, посвященных приказной системе [например, 13–16], судебная функция ведомств являлась предметом специального анализа лишь в работах об учреждениях, для которых правовая деятельность была основным функционалом [17–19]. Особо следует отметить работу О.В. Новохатко «Разряд в 185 году», в которой дается картина всех сторон деятельности Разрядного приказа за отдельный год [20]. Среди прочего автор рассмотрел и судебно-следственную практику работы учреждения в отношении подведомственного ему населения.

Информация из судебных дел использовалась многими историками и юристами, но это происходило в основном в утилитарных целях. Так, в исследованиях А.В. Демкина [21] и В.Н. Захарова [22] эпизоды из судебных тяжб иллюстрируют деятельность западноевропейских купцов; в коллективной монографии об истории Московского печатного двора [23] судебные документы показывают «яркую картину жизни Москвы второй половины XVII в.», в статье И.Л. Бусевой-Давыдовой [24] – лежат в основе описания эпизодов иска о праве собственности на московскую усадьбу-двор и т.д. Исключением стали труды С.Е. Князькова [18, 25] и Л.А. Тимошиной [26, 27, 28], в которых проведен качественный источниковедческий анализ данного вида документации и показан

(особенно в статьях последнего автора) высочайший уровень системного подхода к его практическому использованию в научной работе. Кроме того, Л.А. Тимошина сумела выделить ряд важных особенностей приказного судопроизводства, используя судебные-следственные дела как источники по изучению «применения различных юридических норм, представленных конкретными законодательными памятниками, в повседневной судебной практике приказных и других учреждений центрального и местного управления» [27, с. 250].

Новые изыскания в архивах позволяют выдвинуть тезис о значительной недооценке потребности москвитов того времени в защите своих прав и имущества в официальных судебных органах (впервые такая точка зрения высказывалась в вышеупомянутых работах Л.А. Тимошиной). В источниках XVII в. нашли отражение тысячи дел, связанных с различными юридическими разбирательствами. Еще в эпоху Смуты французский капитан на русской службе Яков Маржарет писал, что у «москвитов», «если кто-нибудь оскорблен словами или иначе, то должно требовать удовлетворения только путем суда, который приговаривает того, кто задел честь другого, к штрафу». Любые самовольные разбирательства строго пресекались, так как предполагалось, что, «отомстив за себя оскорблением или возвратив удар оскорбителю, оскорбленный покусился на авторитет суда (который оставляет лишь в своей компетенции расследование ущерба и наказание за него)» [29, с. 164–165].

Во второй половине XVII в. основная масса исков направлялась на взыскание долгов: «рабочих зажилых денег», «недоплатных денег», по «кабале», «крепости», «заемному письму», «убыткам и бессторице¹», «за взятый» товар и др. Вторую группу составляли требования о возмещении «бою своего и увечья» или за «бесчестья» (оскорбления, ругань). В третью входили розыски беглых холопов или крестьян с выплатой «пожилого».

Анализ материалов Потешного двора [30], являвшегося частью Преображенского приказа и отвечавшего за полицейские функции в Москве, свидетельствует о значительной постоянной практике инициирования судебных исков со стороны как государственных органов, так и частных лиц. Только за 4 месяца 7205 (1696/97) г. и 5 месяцев 7206 (1697/98) г. сохранилась информация о 1725 случаях «приводов разных чинов людей от градских ворот на потешной двор в краже и в протчих преступлениях для допросов»². Т.е. по 180–200 эпизодов ежемесячно. Большая часть приводов осуществлялась кара-

ульными солдатами, выполнявшими функцию постовых, по текущим правонарушениям: «брани», «битью», «драке», мелким кражам. Однако значительная доля дел (около 20–25%) связана с возбуждением разбирательства истцами и пострадавшими. Так, просмотр описи, включающей 165 дел, только за апрель 1697 г. [31] показал около 40 таких случаев: «о забрании... в долг ситных хлебов», «в разбое... на Волге и в грабеже животов», «в неотдаче» «за провоз денег» или «заемных денег», «в сносе... [т.е. краже] из Дворца говядины, пирогов и хлеба», о побегах холопов от хозяев, о неплатежах за взятый товар (мясо, хлеба, иглы, книги) и т.д.

Проявляли подданные российских монархов инициативу и в выдвижении претензий к гражданам иных государств, несмотря на определенное неравноправие в юридическом отношении. Известно, например, что «иностранцы имели преимущество перед русскими людьми в сроке получения долга» [10, с. 167]. По описям судебных дел Посольского приказа, в юрисдикции которого находились все иноземцы, исключая поступивших на военную службу, можно увидеть, что около 30% всех исков выдвигались «москвитами» (статистика приводится по 179 случаям за 1660–1680-е годы). Среди российских истцов встречаются купцы (5 человек), посадские жители (14), приказные служащие (11), крестьяне (2), стряпчие (3), поверенные в делах (7) [32].

По отдельным делам наблюдались любопытные казусы, идущие вразрез со стандартной юридической практикой того времени. Так, в судебном деле Катерины Андреевой, вдовы голландского торговца Юрия Гарламта (Юрий Лаврентьев Гарлант), преимущественное право по взысканию долга было отдано русскому истцу. Наследница голландского купца предъявила иск «по закладной кабале» в 50 руб. тяглицу Огородной слободы Алексею Федорову сыну Мыльникову [33, л. 1]. Ответчик в суде 30 июля 1675 г. признал просрочку долга и долгового договор: «...на срок не заплатил, а двор свой в тех денгах заложил». В ходе разбирательства выяснилось, что А.Ф. Мыльников имел и другие долги, по которым его двор выступал в качестве залога. В сентябре 1675 г. из Посольского приказа в Судный дворцовый направляется предписание о необходимости удовлетворения претензий иноземки Катерины раньше исков русских людей, так как «по его великого государя именованному указу и по боярскому приговору велено долги платить преже иноземцом, а руским людем после». Однако после многомесячной тяжбы 29 февраля 1676 г. вдове в иске было отказано, т.к. заложенный дом ответчика уже

был отдан другому истцу – подьячему Печатного приказа Григорью Досадину. Его «крепость» (долговое обязательство) оказалась весомей по срокам, и решение по его иску вынесено раньше: «...велено того ответчика двором владеть подьячему... потому что ево Григорьева крепость ее иноземкиной крепости старее, и суд у него Григорья на того Алешку в Судном дворцовом приказе был ее иноземкина суда прежде» [32, л. 24–24 об.].

Интересную группу представляют иски родственников – родителей к детям и наоборот, братьев и сестер друг к другу и пр. В монографии о Мещанской слободе С.К. Богоявленский писал об обилии «дел, проистекавших из ненормальных внутрисемейных отношений, которые обыкновенно не выходят из недр семьи». Так, мещанин Ларион Кириллов жаловался в Посольский приказ на своих сыновей, которые в его дом «приходят ночью порою позно и пьяным обычаем и меня, сироту вашего, не поят и не кормят, и не обувают, и не одевают, и бьют, и бранят всякою скаредною неподобною бранью», а после «ломают двери и окошки, и женишку мою, а свою мать бьют же и ругают и за косы тоскают» [34, с. 158].

В материалах Посольского приказа имеется дело по иску Ксении Николавны, вдовы переводчика Константина Христофорова, к собственному сыну, датированное 10 июня 1693 г. [35]. В челобитной она писала, что в «нынешнем... году сынишка мой Федька бранил меня и безчестил всякою скаредною неподобною бранью и, напився пьян, толкает меня, рабу вашу, и похваляется всякими неподобными речми», прося, в итоге, «на него сынишка моего... дать оборон против своего великих государей указу и соборного уложения». Прошение составлялось, видимо, ее духовником, иереем Данилом церкви Мартина Исповедника, который за нее «руку приложил». Из допроса Федора в приказе, в котором он, так же как и его отец, работал переводчиком, выяснялось, что «с матерью де своею в дому отца своего живет он вместе, и во всем ее почитает, и никогда он Федор пьян матери своей не бранивал, и не безчещивал, и неподобными никакими речми не похвалялся, и не толкал». Возможное недовольство родительницы истец объяснял своей просьбой («бил челом») о разделе общего хозяйства, чтобы «жить бы ему особно». Однако, несмотря на аргументированные доводы и службу в ведомстве, проводившем дознание, решение оказалось не в пользу ответчика. В тот же день, 10 июня, состоялось заседание судейской коллегии приказа, на котором ее глава, «слушав челобитную вдовы ...Аксиньи и выписки из уложения, при-

казал сыну ее Аксиньину переводчику Федору Костянтинову за брань и за безчестье матери своей, вдовы Аксиньи, учинить наказание: вместо кнута бить батоги нещадно» [35, л. 2–3].

Встречаются свидетельства о существовании полноценных преступных группировок, занимавшихся организованным мошенничеством в сфере частнопроводимых сделок. 3 августа 1697 г. в Посольский приказ поступила память (с указа) из Стрелецкого приказа, предписывающая все судебные дела, связанные с действиями некой преступной группы, передавать в данный приказ [36, л. 57 об. – 58 об.]. Из документа мы узнаем, что группа из 7 «воров», в которую входили распой Савка Афонасьев с братом кадашевцем Ивашко Трусовым, подьячий Патриарша Розряду Микитка Ревков, отставной стрелец Стремянного полку Емелка Турка, астраханец Бориска Курдюков, мастер Серебряной палаты кадашовец Микишка Афонасьев, и послуживец окольного Иева Демедовича Голохвастова Абрамка Татарин, составляла на «розных чинов на людей воровских заемных записок в денгах и в товаре». Затем по подложным документам («ропискам и поступным») они подавали судебные иски: «...с ними для напрасного разорения и продажи в розных приказах били челом и тех напрасных исков искали судом».

Преступники в конце концов были пойманы и под пыткой признались в содеянном. В итоге трех организаторов преступной группы казнили (первые в перечне), Е. Турка и Б. Курдюкова сослали в Сибирь, а последних двоих отпустили «на чистые поруки». Все дела с участием «воров» признавались «поклепными» и подлежали отмене; материалы предписывалось передавать в Стрелецкий приказ. Кроме того, отпущенные на поруки М. Афонасьев и А. Татарин ставились на «особый контроль». Любые иски с их стороны (или за кого-либо) требовалось игнорировать: «...челобитен у них не принимать, и суда никакова ни в чем им не давать», а самих «с такими челобитными их поймать» и передавать в тот же Стрелецкий приказ [36, л. 58 об.].

Высокая активность юридических действий населения подтверждается и различными ограничительными законодательными инициативами государства. В 1680–1690-е годы власть принимает ряд новых указов, направленных на снижение числа и интенсивности подачи судебных исков. В 1685 г. по результатам ходатайств нескольких сотен представителей служилого сословия (стольников, московских дворян, детей боярских и пр.) был принят указ от 12 ноября «О порядке судопроизводства и о взыскании проестей и волокит» [37, № 1140, с. 689–699]. Челобитчики жаловались на умышленное затя-

гивание дел, вызывавшее взыскание значительных пошлин: «Многие, “приставя”, не ищут год, два и больше, уезжают из Москвы в деревни, а в Москве оставляют ставочные челобитные “за руками друзей своих”». В результате накопления «простей и волокит» многие из них оказывались «на правеже», лишались поместий и вотчин с крестьянами [10, с. 170–171]. Новый указ вводил «месячный срок неявки сторон в суд после приставной и поручной записей», а также «трехкратную посылку зазывных (государевых) грамот». Появились и другие послабления для ответчиков.

На схожие основания ссылался указ от 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску»: «...в которых делах всяких чинов у людей бывают в приказах суды и очныя ставки, оставить для того, что в судах и в очных ставках от истцов и ответчиков бывает многая неправда и лукавство, и ищут многие истцы исков своих, затевая напрасно, также и ответчики в прямых исках отвечают неправдою ж составными вымыслы своими и лукавством, хотя теми составными затейными ответы прямых исков напрасно отбыть, забыв страх Божий; а иные истцы и ответчики, для таких же своих коварств и неправды, нанимают за себя в суды и в очныя ставки свою братью и боярских людей, ябедников и составщиков же, воров и душевредцев, и за теми их воровскими и ябедническими, и составными вымыслы, и лукавством в вершение тех дел правым и маломочным людям во оправдании чинится многая волокита и напрасныя харчи, и убытки, и разоренье» [38, № 1572, с. 278]. В целом, принятие указов свидетельствовало о распространности «сутяжничества» со стороны представителей разных слоев населения³.

Определенную правовую грамотность населения подтверждает тот факт, что многие истцы в обоснование своих претензий апеллировали к главам Уложения 1649 г. и «указным статьям». Л.А.Тимошина рассмотрела факты использования «Соборного уложения» «не принадлежащими к бюрократической среде лицами (гости, монахи, посадские люди, черносошные крестьяне)» «в своих челобитных, иногда с указанием номеров статей, иногда с довольно точным их цитированием/пересказом...» [27, с. 259]. Изучение фактов продажи печатных экземпляров «Судебного уложения» и судебных дел представителей различных, в том числе непривилегированных, групп, позволило ей прийти к выводу об «очевидной юридической грамотности жителей» отдельных регионов и «самых разных общественных слоев» [27, с. 261; 39, с. 334]. Данные выводы вполне могут быть отнесены к населению всего Российского государства XVII в.

Следует заметить, что в XVII веке в России начинал складываться своеобразный класс юристов-профессионалов, наличие которого многие исследователи называют одним из основополагающих признаков «западной правовой традиции». К нему следует отнести категорию площадных подьячих, составлявших частнопроводные акты (поручные записи, кабалы, крепости и т.д.), занимавшихся оформлением челобитных для просителей, представлявших в различных инстанциях интересы неопытных или малограмотных/неграмотных челобитчиков. Отсутствие в условиях той эпохи юридической литературы и возможности получения специальной подготовки значительно ограничивало их деятельность в создании правового поля нотариальной практики. В своей деятельности им приходилось опираться в основном на личный опыт и доступную документацию («Соборное уложение», новоуказные статьи, приказные бумаги). Зародившись, по оценкам М.Ф. Злотникова, не позднее 1580-х гг., институт площадных подьячих во второй половине XVII в. пережил период расцвета [40]. За 1640–1690-е гг. встречаются сведения более чем о 340 подьячих только Ивановской площади (одновременно работало 30–40 человек). В Москве существовали и другие «площади», но с меньшим числом писцов, а также аналогичные сообщества при приказах. Так, «указное» число подьячих «площади у Посольского приказа» насчитывало 10–14 служащих. Подобные нотариальные учреждения существовали в большинстве городов Российского государства [40, с. 20–23].

В целом, проведенный анализ дает возможность в первом приближении переосмыслить стереотип о неприязни жителей Российского государства XVII в. к судебной системе, об их полной правовой неграмотности. Факты свидетельствуют о наличии постоянных обращений истцов (потерпевших) в различные судебные органы, об использовании ими правового законодательства, о борьбе государственных органов с сутяжничеством и умышленным мошенничеством в сфере юридических актов, о появлении «предвестника» частного нотариата в лице площадных подьячих. Вышеизложенное позволяет прийти к выводу о достаточно высоком для своего времени уровне юридической активности представителей разных слоев Московского царства.

Примечания

1. Термин древнерусского права, обозначающий временное или постоянное прекращение торговли, ее задержку или остановку.

2. Материалы сохранились только за отдельные месяцы. За 7205 г.: 118 случаев в марте, 165 – в апреле.

ле, 173 – в мае, 147 – в июле; за 7206 г.: 211 случаев в феврале, 227 – в марте, 224 – в апреле, 146 – в июне, 192 – в июле, 122 – в ноябре.

3. В истории права к настоящему времени сложилась теория, основы которой наметили еще дореволюционные правоведы (Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. 3-е изд. СПб.; Киев, 1900. С. 664). Согласно этой теории, Петр I «проявил себя решительным противником состязательного процесса, который применялся в русских судах» (Развитие русского права второй половины XVII – XVIII в. / Отв. ред. Е.А. Скрипилев. М.: Наука, 1992. С. 230). В подтверждение выводов обычно приводятся вышеупомянутые указы 1697 г. и Воинский устав 1716 г. Анализируемые архивные материалы позволяют уточнить мнение о действиях монарха-реформатора в начальный период правления. Во-первых, отсутствуют свидетельства, что до поездки в составе Великого посольства 1697–1698 гг. царь интересовался какими-либо правовыми вопросами, а тем более задумывался о борьбе с «состязательным процессом». Во-вторых, особенности приказной системы управления, основанной на формуле «возникновение проблемы – действия по ее решению», позволяют прийти к выводу, что причины нововведений прямо указывались в преамбуле указов: «в судах и в очных ставках от истцов и ответчиков бывает многая неправда и лукавство». В-третьих, пример дела об организованной преступной группе показывает, что ссылки на злоупотребления при подаче судебных исков основывались на реальных фактах. В целом, можно согласиться с основной мыслью составителей восьмого выпуска сборника «Памятники русского права», заключающейся в том, что «общей тенденцией развития процессуального законодательства и судебной практики XV–XVII вв. было постепенное увеличение удельного веса розыска в ущерб так называемому суду, т.е. замена состязательного принципа следственным, инквизиционным» (Памятники русского права. Вып. 8 / Под ред. К.А. Софроненко. М., 1961. С. 567). Однако причины и предпосылки данного процесса явно нуждаются в уточнении. Вызывает сомнение, что «тенденция к замене суда розыском определяется обострением классовой борьбы, неизбежно вытекающим из общего развития феодализма» (Там же).

Список литературы

1. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 800 с.
2. Дмитриев Ф.М. Сочинения. Т. 1: История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1899. 588 с.
3. Кавелин К.Д. Собрание сочинений. Т. 4: Этнография и правоведение. СПб., 1900. 1348 стлб.
4. Латкин В.Н. Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1890. 350 с.
5. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. Изд. 3-е. СПб., 1903. 664 с.
6. Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. 509 с.
7. Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т. I–III. СПб., 1857–1883. 399+446+272 с.
8. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Т. 1–2. Киев, 1860–1863. 419+431 с.
9. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980. 269 с.
10. Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. 216 с.
11. Безус Н.Б. Из истории становления процессуального права России (на примере Новгорода XVI–XVII вв.) // История государства и права. 2010. № 5. С. 34–37.
12. Зезюлина Т.А. Организационно-правовые основы становления и функционирования института судебных приставов в России (1864–1917 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Владимир, 2006. 194 с.
13. Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве: Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV – первой половине XVI века. М., 1961. 198 с.
14. Петров К.В. Приказная система управления в России в конце XV – XVII в. Формирование, эволюция и нормативно-правовое обеспечение деятельности. СПб., 2005. 144 с.
15. Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. Москва, Тула, 2009. 790 с.
16. Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. 303 с.
17. Князьков С.Е. Судные приказы в конце XVI – 1-й половине XVII в. // Исторические записки. Т. 115. М., 1987. С. 268–285.
18. Князьков С.Е. Судбно-следственные дела конца XVI – начала XVII века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. 28 с.
19. Воробьев А.В. Делопроизводство Разбойного приказа как исторический источник по истории государственного управления в России XVI – первой половине XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 33 с.
20. Новохатко О.В. Разряд в 185 году. М., 2007. 640 с.
21. Демкин А.В. Западноевропейское купечество в России в XVII в.: Вып. 1–2. М.: ИРИ РАН, 1994. 157+110 с.
22. Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М.: РОССПЭН, 1996. 344 с.
23. Поздеева И.В., Дадькин А.В., Пушков В.П. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы: исследования и публикации. Кн. 2. М., 2011. 653 с.
24. Бусева-Давыдова И.Л. Тяжба о «Болдвиновом дворе»: история жизни московских иноземцев XVII ст. // Иноземцы в России в XV–XVII веках: Сборник материалов конференций 2002–2004 гг. Москва, 2006. С. 134–140.
25. Князьков С.Е. К определению границ понятия «судбно-следственное дело» (по материалам приказного делопроизводства) // Мир источниковедения (сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта). М.; Пенза, 1994. С. 67–71.

26. Тимошина Л.А. Судебное дело гостя И.Д. Панкратьева и крестьянина Тотемского уезда Д. Бредина 1687 г. // Очерки феодальной России. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 157–269.
27. Тимошина Л.А. Судебно-следственные дела XVII в. в источниковедении // Очерки феодальной России. Вып. 15. М.; СПб., 2012. С. 238–299.
28. Тимошина Л.А. Столбцы и книги Посольского приказа: к вопросу о соотношении (на примере документов о визитах синайских монахов в 1682–1683 и 1687–1689 годах) // Каптеревские чтения. Сборник статей. Вып. 11. М., 2013. С. 124–161.
29. Маржерет Жак. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи) / Под ред. Ан. Береловича, В.Н. Назарова, П.Ю. Уварова. М.: Языки славянской культуры, 2007. 552 с.
30. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 371 «Преображенский и Семеновский приказы». Оп 3.
31. РГАДА. Ф. 371. Оп. 3. Столбец 2. Д. 1–165.
32. РГАДА. Ф. 137 «Боярские и городовые книги». Оп. 1 (Посольский приказ). Д. 13. Л. 1–205.
33. РГАДА. Ф. 159 «Приказные дела новой разборки». Оп. 2. Ч. 1. Д. 1427. Л. 1.
34. Богоявленский С.К. Научное наследие: О Москве XVII в. М., 1980. 271 с.
35. РГАДА. Ф. 138 «Дела о Посольском приказе и служивших в нем». Оп. 1. Д. 1693 г. Д. 9.
36. РГАДА. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 23. 72 л.
37. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. II. СПб., 1830. 977 с.
38. Полное собрание законов Российской империи. 1-е собр. Т. III. СПб., 1830. 691 с.
39. Тимошина Л.А. К вопросу о применении XVI и XVII глав Соборного Уложения в приказной практике 80-х гг. XVII в. // Государство и общество в России XV – начала XX века: Сб. ст. памяти Н.Е. Носова / Ред.-сост. А.П. Павлов. СПб., 2007. С. 324–329.
40. Злотников М.Ф. Подьячие Ивановской площади. К истории нотариата Московской Руси. Пг., 1916. 50 с.

THE ATTITUDE TO COURT IN THE 17TH-CENTURY MUSCOVITE STATE (SOME NOTES TO PROBLEM STATEMENT)

A.G. Guskov

The article examines legal activity in pre-Petrine Russia in the 17th century. A critical rethinking is proposed regarding the stereotype of the population's widespread «distrust» towards the judicial system, and full legal illiteracy of the «Muscovites». Recent research in the archives suggests some considerations concerning a significant underestimation of the scale of the people's needs during that period in protecting their rights and property in official judicial bodies. In the form of small essays, this study presents some facts about the continual appeals of the plaintiffs (victims) to various judicial bodies and about the struggle of the government agencies against the malicious litigation and intentional fraud in the field of legal acts. Based on the results of our research, it can be concluded that the level of legal activity of the Russian population's different strata representatives was sufficiently high for its time.

Keywords: Muscovite State, chancelleries, judicial system, law, Foreign Affairs Chancellery, Poteshnyi dvor.

References

1. Vladimirskij-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava. M.: Izdatel'skij dom «Territoriya budushchego», 2005. 800 s.
2. Dmitriev F.M. Sochineniya. T. 1: Istoriya sudebnyh instancij i grazhdanskogo apellyacionnogo sudoproizvodstva ot Sudebnika do Uchrezhdeniya o guberniyah. M., 1899. 588 s.
3. Kavelin K.D. Sobraenie sochinenij. T. 4: Ehtnografiya i pravovedenie. SPb., 1900. 1348 stlb.
4. Latkin V.N. Lekcii po vneshnej istorii russkogo prava. SPb., 1890. 350 s.
5. Sergeevich V.I. Lekcii i issledovaniya po drevnej istorii russkogo prava. Izd. 3-e. SPb., 1903. 664 s.
6. Akty yuridicheskie, ili sobranie form starinnogo deloproizvodstva. SPb., 1838. 509 s.
7. Akty, odnosyashchiesya do yuridicheskogo byta drevnej Rossii. T. I–III. SPb., 1857–1883. 399+446+272 s.
8. Akty, odnosyashchiesya do grazhdanskoj rasprav y drevnej Rossii. T. 1–2. Kiev, 1860–1863. 419+431 s.
9. Man'kov A.G. Ulozhenie 1649 goda – kodeks feodal'nogo prava Rossii. L., 1980. 269 s.
10. Man'kov A.G. Zakonodatel'stvo i pravo Rossii vtoroj poloviny XVII v. SPb., 1998. 216 s.
11. Bezus N.B. Iz istorii stanovleniya processual'nogo prava Rossii (na primere Novgoroda XVI–XVII vv.) // Istoriya gosudarstva i prava. 2010. № 5. S. 34–37.
12. Zezulina T.A. Organizacionno-pravovye osnovy stanovleniya i funkcionirovaniya instituta sudebnyh pristavov v Rossii (1864–1917 gg.): Dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. Vladimir, 2006. 194 s.
13. Leont'ev A.K. Obrazovanie prikaznoj sistemy upravleniya v Russkom gosudarstve: Iz istorii sozdaniya centralizovannogo gosudarstvennogo apparata v konce XV – pervoj polovine XVI veka. M., 1961. 198 s.
14. Petrov K.V. Prikaznaya sistema upravleniya v Rossii v konce XV – XVII v. Formirovanie, ehvoluciya i normativno-pravovoe obespechenie deyatel'nosti. SPb., 2005. 144 s.
15. Lisejcev D.V. Prikaznaya sistema Moskovskogo gosudarstva v ehposu Smuty. Moskva; Tula, 2009. 790 s.
16. Lisejcev D.V., Rogozhin N.M., Ehskin Yu.M. Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv.: Slovar'-spravochnik. M.; SPb., 2015. 303 s.
17. Knyaz'kov S.E. Sudnye prikazy v konce XVI – 1-j polovine XVII v. // Istoricheskie zapiski. T. 115. M., 1987. S. 268–285.
18. Knyaz'kov S.E. Sudebno-sledstvennye dela konca XVI – nachala XVII veka: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 1989. 28 s.

19. Vorob'ev A.V. Deloproizvodstvo Razbojnogo prikaza kak istoricheskij istochnik po istorii gosudarstvennogo upravleniya v Rossii XVI – pervoj poloviny XVII v.: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. M., 2012. 33 s.
20. Novohatko O.V. Razryad v 185 godu. M., 2007. 640 s.
21. Demkin A.V. Zapadnoevropejskoe kupechestvo v Rossii v XVII v.: Vyp. 1–2. M.: IRI RAN, 1994. 157+110 s.
22. Zaharov V.N. Zapadnoevropejskie kupcy v Rossii. Ehpora Petra I. M.: ROSSPEHN, 1996. 344 s.
23. Pozdeeva I.V., Dadykin A.V., Pushkov V.P. Moskovskij pechatnyj dvor – fakt i faktor russkoj kul'tury. 1652–1700 gody: issledovaniya i publikacii. Kn. 2. M., 2011. 653 s.
24. Buseva-Davydova I.L. Tyazhba o «Boldvinovom dvore»: istoriya zhizni moskovskih inozemcev XVII st. // Inozemcy v Rossii v XV–XVII vekah: Sbornik materialov konferencij 2002–2004 gg. Moskva, 2006. S. 134–140.
25. Knyaz'kov S.E. K opredeleniyu granic ponyatiya «sudebno-sledstvennoe delo» (po materialam prikaznogo deloproizvodstva) // Mir istochnikovedeniya (sbornik v chest' Sigurda Ottovicha Shmidta). M.; Penza, 1994. S. 67–71.
26. Timoshina L.A. Sudebnoe delo gostya I.D. Pankrat'eva i krest'yanina Totemskogo uezda D. Bredinina 1687 g. // Ocherki feodal'noj Rossii. Vyp. 9. M.; SPb., 2005. S. 157–269.
27. Timoshina L.A. Sudebno-sledstvennye dela XVII v. v istochnikovedenii // Ocherki feodal'noj Rossii. Vyp. 15. M.; SPb., 2012. S. 238–299.
28. Timoshina L.A. Stolbcy i knigi Posol'skogo prikaza: k voprosu o sootnoshenii (na primere dokumentov o vizitah sinajskih monahov v 1682–1683 i 1687–1689 godah) // Kapterevskie chteniya. Sbornik statej. Vyp. 11. M., 2013. S. 124–161.
29. Marzheret Zhak. Sostoyanie Rossijskoj imperii. Zh. Marzheret v dokumentah i issledovaniyah: (Teksty, kommentarii, stat'i) / Pod red. An. Berelovicha, V.N. Nazarova, P.Yu. Uvarova. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2007. 552 s.
30. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (dalee – RGADA). F. 371 «Preobrazhenskij i Semenovskij prikazy». Op. 3.
31. RGADA. F. 371. Op. 3. Stolbec 2. D. 1–165.
32. RGADA. F. 137 «Boyarskie i gorodovye knigi». Op. 1 (Posol'skij prikaz). D. 13. L. 1–205.
33. RGADA. F. 159 «Prikaznye dela novoj razborki». Op. 2. CH. 1. D. 1427. L. 1.
34. Bogoyavlenskij S.K. Nauchnoe nasledie: O Moskve XVII v. M., 1980. 271 s.
35. RGADA. F. 138 «Dela o Posol'skom prikaze i sluzhivshih v nem». Op. 1. D. 1693 g. D. 9.
36. RGADA. F. 138. Op. 2. Kn. 23. 72 l.
37. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. 1-e sobr. T. II. SPb., 1830. 977 s.
38. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. 1-e sobr. T. III. SPb., 1830. 691 s.
39. Timoshina L.A. K voprosu o primenenii XVI i XVII glav Sobornogo Ulozheniya v prikaznoj praktike 80-h gg. XVII v. // Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii XV – nachala XX veka: Sb. st. pamyati N.E. Nosova / Red.-sost. A.P. Pavlov. SPb., 2007. S. 324–329.
40. Zlotnikov M.F. Pod'yachie Ivanovskoj ploshchadi. K istorii notariata Moskovskoj Rusi. Pg., 1916. 50 s.